

Краткий очерк истории анархизма

Анархизм в XIX веке

Истоки

Элементы анархического мировоззрения были известны на протяжении многих веков. Стремление к полной свободе личности в свободном обществе, отрицание власти и эксплуатации – подобные настроения в той или иной форме можно обнаружить у античных киников и у китайских даосов, у средневековых анабаптистов и у английских диггеров, у русского еретика Ф.Косого и французского мыслителя конца XVIII в. С.Марешаля. Роднящее упомянутых мыслителей умонастроение уместно обозначить термином *протоанархизм*.

Однако анархизм в собственном смысле этого слова, несомненно, порожден реалиями нового времени. Лишь с конца XVIII столетия, когда Европа вступила в эпоху великих революций, способствовавших утверждению человеческой индивидуальности и крушению основ традиционного общества, постепенно оформляется анархизм – сначала как философское учение, а затем как революционное движение.

Анархизм, на мой взгляд, стал реакцией на достижения и неудачи Великой Французской революции: манящий идеал свободы, равенства и братства обернулся новым отчуждением; парламентская демократия не принесла желанного освобождения личности.

Анархизм окончательно сформировался и самоидентифицировался в 1830–1840-е гг. – в борьбе и полемике с либерализмом и государственным социализмом. Если первый подчеркивал значение политической свободы гражданина (признавая необходимость сохранения, хотя и предельно минимизированного, государства), то второй выступал за социальное равенство, считая инструментом его осуществления тотальную государственную регламентацию. Девизом же анархизма, противостоявшего обоим течениям, можно считать знаменитые слова Михаила Бакунина: «Свобода без социализма есть привилегия и несправедливость... Социализм без свободы есть рабство и скотство».

В.Годвин и М.Штирнер

Первыми глашатаями анархизма выступили англичанин Вильям Годвин (1756–1836) и немец Макс Штирнер (Иоганн Каспар Шмидт; 1806–1856). В книге Годвина «Исследование о

политической справедливости и ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье» (1793) и в работе Штирнера «Единственный и его собственность» (1844) были обозначены контуры анархического мировоззрения. Оба мыслителя попытались обосновать необходимость уничтожения государства и децентрализации общественной жизни и производства, доказать противоположность интересов общества и государства. Однако взгляды упомянутых теоретиков анархизма совпадали далеко не во всем.

Годвин исходил из тезиса о доброй природе человека, на которую дурно влияют государственные институты, и предложил анархо-коммунистическую программу социальных преобразований. В центре построений Штирнера – уникальная личность, *Единственный*; эту личность нельзя свести к каким-либо социальным ролям и проявлениям. Немецкий мыслитель призывал человека низвергнуть надличностные (идеологические) фетиши и деспотические учреждения, осознать свои истинные интересы и, соединяясь с другими – тоже *единственными* – личностями, начать борьбу за свое освобождение.

Годвин, оставаясь приверженцем идей Просвещения, еще верил в великую силу слова, в возможность преобразовать общество путем пропаганды. Штирнер уже не считал возможным надеяться на добрую волю правительств и буржуазии. Он признает необходимость рабочих забастовок, экспроприации собственности и создания свободного «союза эгоистов». Однако акцент в книге немецкого мыслителя делается не на проповеди социальной революции, а на призыве к «восстанию личности».

Так сразу обозначились два направления анархической мысли – философски-индивидуалистическое, подчеркивающее уникальность отдельной личности, и социологически-коммунистическое, озабоченное в основном построением свободного и справедливого общества. При этом воззрения Годвина и Штирнера дополняют друг друга. Возникшие впоследствии многочисленные анархические течения основывались на различных вариантах сочетания и совмещения стремлений к свободе и к социальной справедливости.

И Годвин, и Штирнер были одинокими мыслителями, не слишком вовлеченными в общественную жизнь. Ни тот, ни другой еще не обозначали свои взгляды как анархические.

П.Ж.Прудон

«Отцом анархизма» нередко называют выдающегося французского мыслителя Пьера Жозефа Прудона (1809–1865). Сын крестьянина, самоучка, прошедший жизнь в тяжелом физическом труде и крайней бедности, Прудон был одним из немногих вождей социалистического движения XIX в., не принадлежавших к господствующим классам. С именем Прудона связаны самоидентификация анархизма, разработка его основных социальных идей и их распространение в массах.

Ученый и публицист, издатель газет и депутат Национального собрания, участник революции 1848 г., прошедший свои последние годы в эмиграции, Прудон написал множество книг и статей, из которых наиболее известны работы «Что такое собственность?» (1840), «Система экономических противоречий, или Философия нищеты»

(1846), «Исповедь революционера» (1849) и «О политической способности рабочих классов» (1865).

В воззрениях Прудона, как и в его жизни, соединялось немало противоречивых черт и, казалось бы, несочетаемых качеств: личная скромность и склонность к мессианству, революционность провозглашавшихся целей и приверженность к реформистским средствам, вольнолюбие в общественной жизни и крайняя патриархальность в семейном быту. Отстаивая индивидуальную свободу, Прудон одновременно писал работу «Порнократия, или Женщины в настоящее время», выступая против женской эмансипации и обосновывая тезис об извечном неравенстве полов. Передовой консерватор, реформистский революционер, оптимистический пессимист – таким предстает этот человек, которого А.И.Герцен называл «действительным главой революционного принципа во Франции» и «одним из величайших мыслителей нашего века».

Прудон был противником государственного насилия в любых формах: будь то конституционная монархия Луи Филиппа, бонапартистская империя, якобинская республика или революционная диктатура. Проанализировав опыт революции 1848 г., Прудон сделал вывод: революция несовместима с государством, а попытки реализовать утопии приверженцев государственного социализма (Луи Блана, Огюста Бланки и других), рассчитывавших овладеть властью и использовать ее как инструмент преобразований, ведут только к победе реакции и к поражению революции.

Если у Штирнера и Годвина, мало известных широкой публике, анархический идеал носил по преимуществу абстрактно-философский характер, а критика государства явно преобладала над конструктивными идеями, то Прудон развил и популяризировал анархическое мировоззрение, во многом подготовив появление поколения парижских коммунаров.

Задачей социализма в XIX в. Прудон считал достижение реального социального равенства и обеспечение реальной свободы (т.е. преодоление власти государства над человеком). Прудон избегал абстрактных схем, не занимался прожектерством, а стремился изучить и оценить уже существовавшие тенденции. Он говорил: «Я не предлагаю никакой системы; я требую уничтожения привилегий и рабства, я хочу равноправия... Предоставляю другим дисциплинировать мир».

Государственной власти, иерархии, централизации, бюрократии и праву Прудон противопоставил *принципы федерализма, децентрализации, взаимности (мютюэлизма), свободного договора и самоуправления*. Характеризуя современное общество, Прудон писал о круговой поруке буржуазии и власти, о сочетании централизации и монополизации с безудержной конкуренцией, пронизанной «духом несолидарности и корысти». Во имя свободы Прудон нападал на государство, во имя равенства – на собственность.

Прудон утверждал, что политическая свобода невозможна без экономического обеспечения и без децентрализации управления. «То, что называют в политике *властью*, – писал он, – аналогично и равноценно тому, что в политической экономии называют *собственностью*; эти две идеи равны друг другу и тождественны; нападать на одну – значит нападать на другую;

одна непонятна без другой; если вы уничтожите одну, то нужно уничтожить и другую – и обратно».

Исходя из этого Прудон так формулировал собственное кредо: «Итак, то самое, что на экономическом языке называется нами *взаимностью* или *взаимным обеспечением*, в политическом смысле выражается словом *федерация*. Этими двумя словами определяется вся реформа наша в политике и в общественной экономике».

Прудон подчеркивал, что лишь на основе широчайшей и полной свободы личности, лишь в результате осознания людьми своих интересов и их взаимного согласования возможны истинная анархия, настоящий порядок и реальное единство.

Будучи противником рыночной экономики и неограниченной конкуренции, Прудон не стремился заменить их государственно-социалистической казармой и тотальной регламентацией. Говоря об «основном принципе верховности общего и подчиненности личного элемента» у всех социалистов-государственников (от Платона до Томаса Мора и Луи Блана), Прудон разъясняет: «Эта система коммунистическая, правительственная, диктаториальная, авторитарная, доктринерная, она исходит из того принципа, что личность существенно подчинена обществу; что только от общества зависят жизнь и права отдельного лица; что гражданин принадлежит государству, как дитя – семейству; что он находится вполне в его власти ... и обязан ему подчиняться и повиноваться во всем».

Основываясь на *принципе равновесия*, Прудон отстаивал и права общества, и права личности, отрицая как эгоистические, так и деспотические крайности. Чтобы избежать их, французский анархист рекомендовал разрушить государственную власть и социальную иерархию, заменив их добровольным союзом свободных личностей, общин и местностей. «Общество должно рассматривать не как иерархию должностей и способностей, а как систему равновесия свободных сил, где всем гарантированы одинаковые права, с условием нести одинаковые обязанности, равные выгоды за равные услуги. Следовательно, эта система существенно основана на равенстве и свободе, она исключает всякое пристрастие к богатству, рангам и классам».

Благодаря Прудону анархизм распространился по всей Европе, найдя целый ряд выдающихся приверженцев (Карло Писаканэ в Италии, Пи-и-Маргаль в Испании и другие). Историк анархизма Макс Неттлау пишет о Прудоне: «К несчастью, он умирал как раз в то время, когда возник Интернационал. Но в то же самое время огромная фигура Бакунина уже появилась, и на каких-нибудь 10 лет анархизм получил мощный толчок от этой замечательной личности».

Бакунин

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), несомненно, является ключевой фигурой в истории анархической мысли и анархического движения. Именно Бакунин, будучи одаренным философом, заложил основы анархизма как цельного мировоззрения (а не только как программы действий или социологического учения). Бакунин и инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами почти по всей

Европе. Наконец, Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма – пафос бунта, бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества.

Александр Блок писал: «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня... Займем огня у Бакунина». Главное душевное качество *Мишеля* (так Бакунина называли и подростком – в кругу семьи – и стариком – в кругу швейцарских рабочих) – это, по собственному признанию выдающегося анархиста, «любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считаю священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни».

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей были Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Санд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида, Бакунин был прототипом Рудина у Тургенева и Ставрогина у Достоевского.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах и в родном доме в селе Прямухине. Затем – переход к практической революционной деятельности: участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, баррикады в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России, фантастический побег из Сибири, работа в «Колоколе» Герцена, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса...

Революционная деятельность Бакунина не знала границ и была поистине грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам во время восстания 1863–1864 гг., выступал в Швеции, направил эмиссара-анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовать секцию Интернационала, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику против Мадзини в Италии (где стал создателем анархического движения и инициатором восстания в Болонье), организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную агитацию среди болгар и сербов, финнов и чехов, сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-х гг., участвовал в нечаевской пропаганде, был вдохновителем кружков на Юге России. Перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов заняло бы несколько страниц.

Конечно, Бакунин не был «рыцарем без страха и упрека», непогрешимым во всех своих поступках. Он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них, впрочем, связаны с его способностью чрезмерно увлекаться и увлекать других открывающимися перспективами, идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, «путая второй месяц беременности с девятым». Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, не брезговал блефом и мистификациями, явно увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы. Бакунин, безусловно, несет моральную ответственность

за националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады, встречающиеся в его работах, и за поддержку С.Г.Нечаева.

Много ярких и страстных страниц посвятил Бакунин всесторонней критике государства и его разрушительного влияния на людей – как управляемых, так и управляющих. «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности, – писал русский анархист. – Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных». Бакунин считал, что произвол, чинимый над человеком и обществом, государство напыщенно именуется «законом».

Государство, по Бакунину, является не чем иным, как «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей ... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа». Поскольку всякая власть стремится себя увековечить, «ребенок» никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует упомянутая опека. «Итак, там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему всё остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это всё... Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен».

Осуждая патриотизм как государственно-националистическую идеологию рабства и ненависти, Бакунин подвергает подробной критике и представительную демократию, опирающуюся, по его мнению, на манипулирование управляемыми массами. Проблемы государства и социальной революции Бакунин анализирует в связи с национальными особенностями различных европейских народов, с их историей и культурой. Если бисмарковская Германия представляется Бакунину воплощением духа государственничества, централизма, милитаризма и бюрократии, то романские и славянские народы мыслитель рассматривает как среду, стихийно порождающую анархистов. Надо признать, что именно в славянских странах и в Южной Европе анархическое движение получило наибольший размах в 1860–1870-е гг. и позднее.

В своих произведениях Бакунин последовательно критикует государственный социализм (прежде всего марксизм). Не веря во временный характер предлагавшейся Марксом «диктатуры пролетариата» (поскольку всякая диктатура стремится себя увековечить), отрицая марксистскую идею правления «научных социалистов» и возможность введения социализма через тотальное огосударствление общественной жизни и производства, Бакунин доказывал: поскольку эксплуатация и власть неразрывно связаны друг с другом, уничтожение первой при сохранении второй неизбежно приведет к появлению нового класса – «красной бюрократии», идущей на смену старым привилегированным классам.

Бакунин призывал к социальной революции, разрушающей классово-государственные институты общества и заменяющей их безгосударственно-социалистической федерацией

общин, коммун, трудовых коллективов. Главной силой, способной совершить революцию, Бакунин считал в Европе пролетариат («чернорабочий люд»), а в России – крестьянство.

Таким образом, Бакунин радикализировал прудоновский анархизм, развил его и популяризировал в рабочем движении. Итогом деятельности Бакунина явилось широкое распространение анархизма – прежде всего в Испании, Италии, Швейцарии, России, Бельгии, Голландии, во Франции. Наиболее заметным проявлением этого процесса стали возникновение анархистского крыла в *Международном товариществе рабочих (Первом интернационале)* и Парижская Коммуна.

Промарксистский Генеральный совет Интернационала вел борьбу с Бакуниным довольно постыдными методами; в ход было пущено всё: закулисные аппаратные интриги; организация фиктивных секций, создавших мнимое марксистское большинство на Лондонской конференции 1871 г. и на Гаагском конгрессе 1872 г.; бездоказательные обвинения, клевета. Однако достигнутая подобными средствами победа Маркса оказалась Пирровой – после «исключения» Бакунина из Интернационала «весь Интернационал восстал против недостойной комедии Гаагского съезда, так грубо подтасованного Главным советом». Почти все секции Интернационала: бельгийские, французские, английские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские и американские – отвергли решения, принятые в Гааге, и отказались подчиниться Генеральному совету, поддержавшему Маркса. Большинство этих секций, соединившись, образовали новый, анархический Интернационал, просуществовавший до 1879 г. Попытка Маркса превратить Международное товарищество рабочих в централизованную партию, исповедующую одну – «научно-социалистическую» – доктрину, полностью провалилась.

Поддержавшие Бакунина секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархического движения в 1870-е гг. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, в Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, в Бельгии) сложились открыто действующие рабочие союзы анархической направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация (в Швейцарии).

Парижская коммуна

Наиболее грандиозным выступлением народных масс, в котором анархисты сыграли видную роль, конечно, стала Парижская коммуна (март-май 1871 г.).

Анархисты (прудонисты) составляли значительную часть Совета коммуны. Важнейшим мероприятием Коммуны в социально-экономической сфере, осуществленным по инициативе прудонистов, был принятый 16 апреля 1871 г. декрет о передаче бездействующих предприятий, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций.

Этой и другими подобными мерами прудонисты стремились подготовить создание мощного сектора коллективизированных самоуправляющихся предприятий, альтернативных и

частнокапиталистическим, и государственным. Декларация «К французскому народу», принятая Парижской коммуной 19 апреля, провозглашала вполне анархические идеи: федерализм, децентрализацию, самоуправление и автономию коммун – в качестве принципов устройства будущей социалистической Франции.

Сама Коммуна, по признанию Карла Маркса, уже не была «вполне государством»: ликвидация чиновничьей иерархии, регулярной армии, самоуправление снизу доверху, опирающееся на принцип делегирования, – всё это куда больше походило на прудоновские и бакунинские модели общества, нежели на марксистскую «диктатуру пролетариата». Известно, что, учтя опыт Коммуны, Маркс, по образному выражению Ф.Меринга, снял перед ней шляпу и в работе «Гражданская война во Франции» несколько пересмотрел свою доктрину в прудоновском духе.

Однако полуанархический социально-революционный эксперимент, как известно, длился недолго – 72 дня. Памятником «штурмующим небо» коммунарам осталась песня – «Интернационал», созданная участником тогдашних событий, анархистом Эженом Потье.

Анархическое движение рубежа веков

После бурного подъема в конце 1860-х – начале 1870-х гг. анархическое движение вступило в полосу идейного и организационного кризиса, вызванного и провалом ряда восстаний, и правительственными репрессиями, и уходом части рабочих в социал-демократические партии.

Впрочем, в эти годы выходило множество анархических изданий, брошюр и листовок.

Многие эмигранты из Старого Света активно пропагандировали анархические идеи на обоих американских континентах. В США анархизм распространялся в самых различных формах. Там были приверженцы штирнеровского анархо-индивидуализма, и прудонисты, создававшие кооперативные ассоциации (крупнейший последователь Прудона в Америке, активно пропагандировавший и развивавший его взгляды, – Бенджамин Таккер).

Яркой фигурой американского анархизма и феминизма стала Эмма Гольдман.

Широкую известность получили своеобразные анархические идеи Генри Дэвида Торо (1817–1862), которому спустя век – уже в 1960-е гг. – было суждено стать кумиром движения хиппи. Торо одним из первых выдвинул идею гражданского неповиновения, призывая отказываться от сотрудничества с государством, от уплаты налогов и воинской службы (за акцию гражданского неповиновения он попал в тюрьму). Американский мыслитель выступал за отказ от бездушной мещанской цивилизации и за слияние с природой.

Анархизму сочувствовал и один из великих американских поэтов Уолт Уитмен.

Большую роль играли анархисты и в американском рабочем движении, активно пропагандируя идею восьмичасового рабочего дня. Одним из драматических эпизодов этой

борьбы стала казнь пяти чикагских анархистов в 1887 г.; в память о них 1 мая в некоторых странах отмечается как Международный день солидарности трудящихся.

В России на смену прудонистам 1860-х гг. (Соколову, Зайцеву, Ножину и другим) пришли бакунисты 1870-х. Анархическим, федералистским, антиэтатистским по духу было почти всё движение революционного народничества того времени: чайковцы (одним из идеологов которых был Кропоткин), участники процесса пятидесяти (на котором Софья Бардина в известной речи на суде прямо назвала себя анархисткой), члены «Земли и Воли», в программе которой были провозглашены анархические цели. Но в последние десятилетия XIX в. в истории русского анархизма наблюдается разрыв преемственности; лишь в начале XX столетия анархическое движение в России вновь приобретает значительное число приверженцев.

Своеобразным – «мирным» и полурелигиозным – вариантом анархизма в России было толстовство. Лев Толстой никогда прямо не называл себя анархистом, однако категорическое отрицание государства, патриотизма, армии и смертной казни (как прерогативы власти) самим Толстым, а также организация его сторонниками значительного числа изданий и коммун, члены которых проповедовали принципы самоуправления, отказ от соучастия в государственной жизни (уплаты налогов, службы в армии и т.д.) – всё это вносило свой вклад в развитие анархизма в России. Толстовские коммуны просуществовали в России до 1930-х гг. и были окончательно разгромлены большевиками.

Толстой и Кропоткин оказали существенную поддержку религиозной секте духоборов, исповедовавших антигосударственные принципы и подвергавшихся преследованиям. При активном участии Кропоткина и Толстого духоборы, жившие на Кавказе, переселились в пустынные районы Канады, где за короткое время своим трудом создали процветающие общины, многие из которых существуют и по сей день.

В Западной Европе на смену Прудону и Бакунину пришли талантливые анархические писатели – теоретики и пропагандисты. Среди них – швейцарец Джеймс Гильом, бельгиец Цезарь де Пап, французы Элизе Реклю, Жан Грав и Луиза Мишель, итальянец Эррико Малатеста, немцы Макс Неттлау и Иоганн Мост. Не ограничиваясь пропагандой, участием в рабочем движении, организацией кооперативов, профсоюзов и коммун, анархисты Европы и Америки зачастую инициировали антимилитаристские, феминистские, просветительские инициативы.

В конце XIX в. немалую популярность среди европейских интеллектуалов и художников обрело ницшеанство, что привело к ренессансу в богемной среде анархо-индивидуализма Штирнера. Этого мыслителя многие называли предтечей Ницше.

Некоторые анархические группы Европы и Америки перешли к террористической деятельности, которая, пожалуй, получила наибольшую известность из всего того, чем занимались анархисты. Понятно, что террор всегда привлекает больше внимания в обществе, чем более мирные и конструктивные формы деятельности. На самом деле лишь незначительная часть анархистов встала на путь террора.

Волна анархического террора конца XIX – начала XX в. получила название равашолевщины – в честь знаменитого французского террориста Равашоля. Жертвами анархистов стали итальянский король и австрийская императрица, президент США и многие другие государственные деятели. В некоторых случаях подобные акции трактовались как возмездие за то, что радикалы считали злодеяниями, и проводились по инициативе анархических групп; однако чаще политические убийства были слабо мотивированными актами отчаяния одиночек, смутно представлявших себе смысл идей анархизма.

В таком состоянии идейной и организационной пестроты и разброда вступили анархисты в XX век. Впрочем, централизация, монолитность рядов и единомыслие никогда и не были целью анархистов, всегда отстаивавших права меньшинства и ценивших в людях независимость и своеобразие. И всё же в преддверии нового этапа грандиозных революционных конфликтов явственно ощущалась потребность в развитии, углублении и систематизации анархических идей. Попытка решить эти задачи была предпринята Петром Алексеевичем Кропоткиным.

Анархизм в XX веке

П.А.Кропоткин

Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) происходил из аристократического рода, но выбрал не блестящую придворную карьеру, а сначала занятия естественными науками, затем — революционную деятельность. Совершив поездку за границу, Кропоткин под впечатлением от опыта Парижской коммуны 1871 г. и от общения с бакунистами из Юрской федерации осознает себя анархистом.

В 1872—1874 гг. князь активно участвовал в революционной пропаганде кружка *чайковцев*: вел агитацию среди рабочих, популяризировал социалистические идеи в литературных произведениях, написал программу кружка. В 1874 г. последовали арест и заключение в Петропавловской крепости. После дерзкого побега из военного госпиталя Кропоткин на 40 лет оказался в эмиграции, где стал признанным вождем и теоретиком международного анархизма, а также авторитетным ученым.

В эти годы Кропоткин неоднократно высылался властями из страны в страну, подвергался арестам, провел три года во французской тюрьме; на него готовила покушение русская монархическая организация *Священная дружина* (ошибочно видевшая в Кропоткине организатора убийства Александра II). Однако Кропоткин продолжал свою научную, общественную и публицистическую деятельность, выступал с лекциями и речами, писал статьи и обзоры для научных изданий, издавал анархические газеты: «Револьте» (в Женеве), «Револьт» и «Тан Нуво» (в Париже), «Хлеб и Воля» (в Лондоне) и другие. С ним общались, переписывались многие известные деятели культуры и социальных движений.

С началом первой мировой войны Кропоткин выступил в поддержку Франции, Англии и России против германского империализма, так как считал Францию центром мирового революционного движения, а Германию — оплотом реакции и милитаризма. Эта позиция не

нашла отклика у большинства анархистов мира (осуждавших войну вообще), и Кропоткин оказался в изоляции.

Вернувшись в Россию в июне 1917 г., престарелый князь оказался в гуще событий. Он считал необходимым противостоять двум угрозам — немецкого вторжения и развязывания гражданской войны. На предложение А.Ф.Керенского занять любой министерский пост во Временном правительстве Кропоткин ответил: «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным делом».

К Октябрьскому перевороту Кропоткин отнесся неоднозначно, видя в нем как начало социально-экономических преобразований, так и узурпацию власти, ведущую к перерождению и гибели революции. В эти годы князь участвовал в пропаганде идей федерализма, содействовал развитию кооперативного движения.

Опираясь на свой огромный авторитет среди революционеров, Петр Алексеевич вызволил немало людей из застенков ЧК, протестовал против подчинения советов большевистским партийным комитетам, против разгрома новой властью кооперативного движения, против всеислия политической полиции и эскалации красного террора, против ликвидации свободной печати и уничтожения негосударственных издательств.

...Похороны «дедушки русской революции» (как его часто называли) в феврале 1921 г. в Москве собрали многие десятки тысяч человек. В честь Кропоткина названы острова и горные хребты, вулканы и населенные пункты.

Бернард Шоу назвал Кропоткина «одним из святых столетия», а Оскар Уайльд считал его жизнь «совершенной». Принципиальность, порой доходящую до ригоризма, Кропоткин сочетал с широтой взглядов и терпимостью, что позволяло ему находить взаимопонимание и с сектантами-духоборами, и с британскими профессорами, и с рабочими-анархистами.

Петр Алексеевич Кропоткин — не только выдающийся революционер, писатель, гуманист, публицист; он был также ученым-энциклопедистом. Им написаны специальные исследования по географии и геологии, биологии, по социологии и политической экономии, по педагогике и истории, по этике и литературоведению.

Назовем главные сочинения Кропоткина (оставив в стороне специальные работы по естественным наукам): мемуары «Записки революционера», «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Поля, фабрики и мастерские», «Взаимная помощь среди животных и людей», «Современная наука и анархия», «Этика». Всего князь написал свыше двух тысяч работ; некоторые статьи систематизировались, перерабатывались и составляли брошюры и книги.

В своем учении Кропоткин опирается прежде всего на традиции Просвещения и позитивизма. Мировоззрение Кропоткина в своих принципиальнейших моментах довольно существенно отличается от бакунинского: Бакунин был в большей степени практическим деятелем анархического движения, а Кропоткин — признанным теоретиком.

Бакунин делал акцент на *разрушении* всего, подавляющего личность, Кропоткин же, напротив, мыслил скорее созидательно, конструктивно; Бакунин подчеркивал существовавшие в обществе классовые противоречия, Кропоткин — общечеловеческое (и даже — общебиологическое) начало. Развивая (а во многом и преодолевая) бакунинские представления о *коллективизме*, Кропоткин предлагает свой *коммунизм*. Для Бакунина человек является преодолением и отрицанием мира природы, для Кропоткина — его органической частью. По верному замечанию Н.А.Бердяева, анархизм Кропоткина по сравнению с бакунинским — «более идиллический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека».

Кропоткин предпринял грандиозную и единственную в своем роде попытку обосновать анархизм как развернутое мировоззрение, основанное на научно-позитивистском фундаменте, как универсальную теорию, охватывающую самые разные отрасли знания: от точных наук до социологии и этики. Кропоткин попытался вывести анархическое учение из жизни природы и народа, из анализа современности, обнаружить анархические тенденции в народных движениях различных эпох, подвести под анархизм естественнонаучную базу, систематизированно изложить позитивную программу анархизма, разработать принципы анархической этики и обосновать неразрывное тождество анархии и коммунизма (ибо, по Кропоткину, анархия без коммунизма — произвол эгоистических индивидов, а коммунизм без анархии — чудовищный деспотизм). Такова была грандиозная задача, которую на протяжении почти полувека решал в своих сочинениях князь-революционер.

Кратко рассмотрим некоторые важнейшие моменты кропоткинского анархического учения.

Кропоткин считал одним из универсальных законов бытия *биосоциологический закон взаимопомощи* как важнейшего фактора эволюции. На основании огромного материала Кропоткин стремился доказать, что дарвиновское положение о борьбе за существование следует понимать как борьбу между видами и взаимопомощь внутри видов. Взаимная помощь и солидарность, по мнению Кропоткина, были и остаются главным фактором прогресса, средством к выживанию видов и инстинктивной основой человеческой нравственности.

По мнению Кропоткина, тот вид, который способен организовать свою жизнь на солидарных началах, более приспособлен для выживания и развития. Этот закон распространяется на все этапы развития животного мира и истории человечества. С точки зрения Кропоткина, и природе, и человеку присуща врожденная нравственность, а отступления от нее связаны с дурным влиянием авторитарных социальных институтов, прежде всего государства. Поэтому в своей последней работе — в «Этике» — Кропоткин стремился разработать учение о свободной морали, независимой от санкций и принуждений.

Для мировоззрения Кропоткина характерна глубокая вера в *природу* и в *народ*, в неизбежность прогресса — несмотря на все помехи, создаваемые государством.

Свое понимание истории Кропоткин выражает в следующих словах: «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу».

Кропоткин предсказывал переход от буржуазно-бюрократического индустриального общества к вольному анархическому коммунизму. Народные массы, склонные ко взаимной помощи, по мнению мыслителя, постоянно создают, воспроизводят и поддерживают в обществе *горизонтальные связи* и соответствующие учреждения, основанные на координации и на согласовании интересов: род, обычное право, средневековый город, гильдию. Государство же, возникающее демоническим образом, душит, разрушает и уничтожает эти учреждения, стремится к их окостенению, централизации и иерархизации.

Отметив две указанные тенденции, Кропоткин констатирует: «Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений — то есть творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защищаться от желающего господствовать над ними меньшинства».

Таким образом, в учении Кропоткина анархизм предстает не просто как тенденция в истории мысли, а как тенденция самой природной и общественной жизни, направленная к самоорганизации и гармонии на началах свободы и неиерархической координации. По замечанию историка Макса Неттлау, Кропоткин преследует «определенную цель: связать анархизм, если не отождествить его, с реальной жизнью, с главным и наиболее широким течением жизни и прогресса, чтобы таким образом установить неизбежность анархизма».

Кропоткин приводит многочисленные и разнообразные «доказательства того, что новый порядок уже сейчас создается путем растущей сети добровольных организаций, отодвигающих государство на задний план».

Социальная революция, с точки зрения Кропоткина, является органичной частью эволюции. Революция — это стихия, которую подготавливают тысячи людей и которой невозможно управлять, руководить.

По Кропоткину, массами в революции движет не столько отчаянье, сколько надежда; революция есть прежде всего созидание, переворот во всех сферах жизни, интенсивное строительство нового (в отличие от Бакунина, более позднему теоретику анархизма присущ, как уже упоминалось, исторический оптимизм, предполагающий акцент на созидание, а не на разрушение). Поэтому-то так важно еще до начала революции распространить новые идеи, сформировать *революционное сознание* и *революционного субъекта*, которым, по Кропоткину, не может быть какая-то одна партия или класс, но лишь весь трудовой народ в целом.

Всем предыдущим революциям фатально не хватало именно смелости мысли: все они ориентировались на прошлое, а не созидали будущее. При этом пока народ разрушал старое, буржуазия создавала новое — разумеется, в своих интересах.

Революция, по Кропоткину, — это самоорганизация населения, вооружение народа, разрушение государства, экспроприация собственности, развитие местного территориального и производственного самоуправления. Всё это невозможно без местной инициативы, которая исключает оглядку наверх, передачу права принимать решения какому-либо центру.

Индивидуальная инициатива — душа революции. Необходимо перерастание политической революции в отдельной стране в мировую и социальную революцию, необходим союз рабочих и крестьян, необходимо, наконец, немедленно дать трудящимся жилье, продукты, одежду — чтобы они сразу ощутили смысл и значение наступившей революции для себя лично. Откладывание социальных мероприятий на будущее неизбежно приводит к перерождению революции.

Кропоткин негативно относится как к идее «революционного правительства», «революционной диктатуры», так и к связанному с ними систематическому террору, предлагающему работникам казни вместо хлеба: «Будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса; он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти... Робеспьер привел к Наполеону».

Эти свои теоретические положения Кропоткин подтвердил, наблюдая трагический опыт российской революции 1917 г., задушенной большевистской диктатурой.

Излагая свою анархо-коммунистическую программу (сложившуюся приблизительно к 1880 г.), Кропоткин на передний план поставил не государство, а *личность и федеративный союз общин*, объявил целью производства не прибыль, а *удовлетворение потребностей человека*, противопоставил идеям концентрации производства и разделения труда задачи *децентрализации производства и интеграции труда*. Все эти нововведения Кропоткин связывал с тенденциями современной мыслителю социальной жизни.

Коммунистический принцип *распределения по потребностям* Кропоткин обосновывал общественным характером современного производства (и вытекающей из него невозможностью измерить личный вклад каждого работника в тот или иной продукт) и растущим, благодаря успехам науки и техники, изобилием продуктов.

Кропоткин находил в окружающем мире ростки коммунизма и анархии — множество союзов и ассоциаций, основанных (хотя бы отчасти) на негосударственных и небуржуазных принципах. Это научные общества, библиотеки, кооперативные и муниципальные учреждения, страховые союзы, артели, коммунальные службы, благодаря которым «за известную плату, по столько-то в год, вы имеете право удовлетворять такой-то разряд ваших потребностей — за исключением, понятно, роскоши в этих потребностях».

Говоря о будущем анархо-коммунистическом обществе, Кропоткин так определяет основные приоритеты в экономической сфере:

- абсолютный примат потребления над производством;
- интеграция физического и умственного труда (и соответствующее этой идее «интегральное образование»);
- «довольство для всех» (распределение по потребностям);
- совместная обработка земли городскими и сельскими жителями;
- обобществление и плановость производства;
- прямой обмен между городом и деревней;
- децентрализация и разукрупнение промышленности;
- преодоление уродливого деления народов на «промышленные» и «аграрные» при максимальном самообеспечении областей.

По мнению Кропоткина, всё это поможет сделать труд творческим, приятным и сократить его до пяти часов в день, предоставив людям обширный досуг для развития своей личности.

Говоря о замене государственно-эксплуататорского строя строем вольных общин, основанным на солидарности и взаимопомощи, Кропоткин так формулировал сущность предложенных им мероприятий: «До сих пор политическая экономия знала только *разделение труда*; мы же настаиваем на его *объединении*; на том, что идеалом общества (то есть тем, к чему оно уже стремится) является такое общество, где каждый трудится физически и умственно; где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности».

Констатируя возрастающую роль государственного начала в современном ему мире, Кропоткин отмечал: «В первой половине XIX в. имелось громадное прогрессивное движение, стремившееся к освобождению личности и мысли; и такое же громадное регрессивное движение взяло верх над предыдущим во второй половине века и теперь стремится восстановить старую зависимость, но уже по отношению к государству: увеличить ее, расширить и сделать ее добровольной. Такова характерная черта нашего времени».

Отсюда вытекает неизбежная дилемма: «Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собой войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и — как неизбежный конец — смерть. Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения».

Размышляя в русле кропоткинских идей, сегодня, на исходе XX в., мы можем признать, что возобладала первая из указанных тенденций: тенденция к поглощению человеческой личности государственным Левиафаном, к созданию тотального государства и к господству этатистского начала в общественной жизни. Кропоткин же считал более вероятным второй исход — и ошибся в своих прогнозах.

Анархо-коммунистическое учение Кропоткина широко распространилось в конце XIX в. и скоро стало в анархическом движении преобладающим, привлекая многих революционеров своей «научностью», детальной разработанностью, наличием как теоретического обоснования, так и конкретной программы действий.

По свидетельству Макса Неттлау, почти безраздельное господство авторитета Кропоткина как теоретика в первой четверти XX в. привело к определенному застою и даже регрессу в анархической мысли: «В самом деле, всё, что он [Кропоткин] говорил, всегда бывало связано со столькими хорошими идеями, что попытка обнаружить их слабые стороны всегда воспринималась как опровержение этих идей... Многим мнения Кропоткина казались не подлежащими сомнению истинами, и другим представлялось нежелательным поднимать вопросы, чтобы не ослабить огромное влияние, какое оказывали личность, талант и преданность его своему делу».

Революционный синдикализм, анархо-синдикализм и ФОРА

Наиболее заметными явлениями в анархическом движении первых двух десятилетий XX в. было возникновение (прежде всего в романских странах — во Франции, в Испании и Италии) мощного *анархо-синдикалистского движения* и деятельность анархо-коммунистической организации ФОРА в Аргентине. Если труды Кропоткина явились попыткой развития анархической теории применительно к новым условиям, то появление анархо-синдикализма было новым шагом в тактике анархизма, пополнившим арсенал его средств новыми орудиями, помимо пропаганды, террора и организации восстаний.

Анархо-синдикализму предшествовало появление так называемого *революционного синдикализма*. Тысячи рядовых активистов социалистических и социал-демократических партий и профсоюзов, недовольные оппортунизмом своих боссов, чересчур увлекшихся парламентской деятельностью, начали выделяться в особое течение, получившее название революционный синдикализм.

В первом десятилетии XX в. в синдикалистских профсоюзах Италии и Франции состояло несколько миллионов трудящихся. Идеологами революционного синдикализма стали Фернанд Пеллутье, Эмиль Пуже и другие. Основами синдикализма были *аполитичность* (неучастие в парламентской борьбе за власть), *антикапитализм* и *антиэтатизм*, отрицание организационного централизма и профсоюзной бюрократии, превознесение стихии жизни и повседневной классовой борьбы — в сочетании с отказом от планирования будущего общества.

Объявляя себя внепартийными организациями, революционные синдикаты (союзы) объединяли в своих рядах как социалистов и социал-демократов, так и анархистов, однако общий радикализм, организационный федерализм и стихийный антиэтатизм сближал их скорее именно с анархизмом, нежели с марксистскими течениями. Революционные синдикаты, объединяя трудящихся по профессиям, рассматривали себя как возможный каркас будущего безгосударственного социалистического общества, а всеобщую захватную

стачку считали наиболее мощным и действенным орудием социальной революции.

Первая мировая война привела к расколу синдикалистских профсоюзов на *оборонческие* и *интернационалистические* течения. В это время зарождается и распространяется анархо-синдикализм, соединивший в себе революционно-синдикалистские и анархические элементы.

В 1922—1923 гг. был воссоздан анархо-синдикалистский Интернационал (*Международное товарищество рабочих*), объявивший себя продолжателем Первого интернационала времен Бакунина и объединивший в себе испанскую СНТ, итальянскую УСИ, американскую организацию *Индустриальные рабочие мира*, французский анархо-синдикалистский профсоюз, аргентинскую ФОРА и другие, более мелкие организации.

Одним из крупнейших теоретиков анархо-синдикализма был немецкий революционер Рудольф Рокер. В те годы в Италии при активном участии анархо-синдикалистов происходили драматические события: *красная неделя* 1914 г., когда вся страна была охвачена забастовкой, и захваты рабочими предприятий Милана и Турина в 1920 г. Однако установление фашистской диктатуры Муссолини привело к разгрому анархо-синдикалистского движения на Аппенинах.

Надо отметить, что в анархо-синдикалистских профсоюзах соседствовали (и зачастую противоборствовали) различные анархические течения: для одних анархо-синдикализм был лишь средством (связь с трудящимися массами, их самоорганизация через синдикаты и вовлечение в борьбу через забастовки), а анархический коммунизм в духе Кропоткина — целью; другие же анархо-синдикалисты продолжали бакунинскую традицию коллективизма, выступая за передачу предприятий в собственность трудовых коллективов и за распределение не по потребностям, а по труду.

Для испанских анархистов характерен широкий «анархизм без эпитетов», мирно сочетающий в себе различные оттенки и течения и не предрешающий заранее форм будущего общества.

«Самым цветущим из современных анархических движений» назвал в начале века аргентинскую организацию ФОРА Макс Неттлау.

Помимо огромной численности (которая порой достигала 200 тыс. человек) и бескомпромиссного радикализма в действиях, то и дело приводившего ФОРА к организации масштабных демонстраций и забастовок, перерастающих в баррикадные бои с полицией, весьма интересна идеология этой организации. ФОРА одной из первых среди анархистов категорически выступила не только против капиталистического и этатистского современного строя, но и против порождающего его индустриализма, неумолимо воспроизводящего в обществе отношения иерархии и конкуренции.

Марксистскому обожествлению индустриального развития и «железных законов» экономики ведущий теоретик ФОРА Эмилио Лопес Аранго противопоставил «утверждение, согласно которому огромное значение имеет процесс этического развития народов». Люди не являются лишь винтиками в индустриальном механизме; ничего не предрешено; необходимо бороться против «общества-фабрики», разрушающего традиции общинного самоуправления, коллективизма и солидарности и превращающего людей в разрозненные и атомизированные марионетки, в детали огромной машины, основанной на иерархии и конкуренции.

Аранго писал в одной из своих статей в 1920-е гг.: «Мы хотим сказать ... что можно разрушить всю социальную организацию, уничтожить историческое государство, экспроприировать буржуазию и ликвидировать частную эксплуатацию, но эти изменения не обязательно будут означать окончательное падение капитализма. Россия дает нам пример выживания капиталистической организации после поражения буржуазии...

Вот почему следует задать вопрос: можно ли прийти к анархическому коммунизму через капитализм? Ни один анархист не будет поддерживать такой абсурд. Чтобы разработать в настоящем этические и экономические основы коммунистического общества, необходимо прежде всего разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и почтение к представителям принципа авторитета».

Слепой вере в прогресс и в индустриальные технологии, растворению личности в массовых процессах аргентинские анархисты противопоставляли *индетерминизм*, подчеркивая, что решающую роль в истории сыграло этическое развитие личностей и народов. Речь шла, таким образом, о бескомпромиссной борьбе не только с капиталом и властью, но также с марксизмом и индустриализмом.

Достигнув огромного размаха в первой четверти XX в., ФОРА была разгромлена в 1930-е гг.

В 1920-е гг. деятельность анархистов в СССР постепенно сходит на нет. Кое-кто из последователей Кропоткина и Бакунина вступил в ВКП(б), другие были репрессированы. До конца 1920-х гг. существовало, впрочем, анархо-синдикалистское издательство «Голос Труда», выпустившее в свет большое количество литературы.

Последним очагом легального анархизма в СССР был музей Кропоткина (и действовавший при нем *Общественный кропоткинский комитет*). В середине 1930-х гг. музей был закрыт, а анархическое движение в России на полвека уничтожено.

Лишь в середине 1980-х гг., на волне перестройки, вновь начнется его медленное возрождение...

Анархисты и гражданская война в Испании 1936—1939 ГОДОВ

В 1920—1930-е гг. во многих странах Европы установились тоталитарные или авторитарные режимы, которые насильственно уничтожили, загнали в глубокое подполье и эмиграцию

анархическое движение. Так было в России, Германии, Италии. Страной с наиболее мощным анархическим движением, обладающим многолетними традициями, оставалась Испания.

Не прекращавшаяся на протяжении семидесяти лет агитация испанских анархистов, череда организованных ими восстаний и забастовок, сеть анархических школ, мощные профсоюзы, опирающиеся на общинное, коллективистское сознание трудящихся, — всё это сделало анархистов Испании решающей силой революционного процесса.

К 1930-м гг. в анархистском профсоюзе НКТ состояло около двух миллионов рабочих, а в *Федерации анархистов Иберии (ФАИ)* — несколько сотен тысяч человек. В 1936 г. конгресс НКТ в Сарагосе принял программу «Концепция либертарного коммунизма», предусматривающую переход к обществу, которое строится как федерация коммун и синдикатов, к обществу без денег, с децентрализованным планированием экономики, с заменой регулярной армии рабочей милицией.

Разразившийся в июле 1936 г. мятеж генерала Франко и последовавшая за ним гражданская война подтолкнули анархистов к решительным действиям и дали им возможность осуществить крупнейший в XX в. анархистский социальный эксперимент, как по размаху, так и по радикализму далеко превосходящий опыт махновского движения на Украине.

Узнав о выступлении Франко, тысячи рабочих-анархистов вышли на улицы испанских городов. Борьба с фалангистами и иными сторонниками генерала переросла в антипомещичьи и антикапиталистические выступления: повсеместно рабочие захватывали предприятия, крестьяне — помещичьи земли; создавались отряды народной милиции.

Под контролем НКТ оказались наиболее промышленно развитая область Испании Каталония и сельскохозяйственный Арагон. Были сформированы анархистские вооруженные части, которые возглавил легендарный Буэнавентура Дуррути. Эти отряды отправились на фронт — воевать с франкистами.

Революция затронула буквально все сферы жизни. В это время в Испании была создана анархо-феминистская организация *Мухерес Либрес (Свободные Женщины)*, поставившая своей целью борьбу с традиционной патриархальностью испанского общества и вовлечение женщин в общественную, политическую и культурную жизнь.

Социализированные промышленные предприятия, захваченные рабочими, функционировали, насколько можно судить, довольно эффективно: все решения принимались на собраниях трудовых коллективов, была существенно повышена заработная плата, прибыли инвестировались в культурные проекты, на нужды образования (благодаря этому многие рабочие впервые в жизни смогли посетить кино или театр).

Довольно далеко зашла социальная революция в деревне, особенно в Арагоне: крестьяне на общих собраниях свергали местную власть, избирали революционные комитеты, отбирали землю у помещиков, создавали кооперативы. Эти кооперативы — *коллективы*, как они назывались, — в отличие от советских колхозов создавались снизу и добровольно; желающие могли обрабатывать землю индивидуально (но без применения наемного труда).

Создавались коллективные склады и магазины. Отдельные кооперативы объединялись в федерации. Это движение получило широкий размах: в Арагоне было создано 400 коллективов, в Кастилии — 300, в Каталонии — 40. В Арагоне в коллективах участвовали 400 тыс. человек (70 % населения региона), которые обрабатывали 60 % всех находившихся в хозяйственном обороте земель. Арагонские кооперативы достигли больших успехов в сельском хозяйстве: в 1937 г. урожай в Арагоне вырос на 20 %, тогда как в других регионах страны он существенно снизился (что, впрочем, отчасти объяснялось разным положением испанских регионов в годы гражданской войны). Строились дома, больницы, учреждения культуры.

Опираясь на вековые общинные традиции и на идеи классиков анархизма, коллективы действовали на принципах самоуправления, отрицания иерархии. Все важные решения принимались на собраниях членов коллективов.

По мнению современного исследователя А.Шубина, «в результате анархистских социальных преобразований возник новый сектор экономики, качественно отличный как от капиталистического, так и от государственного. Отличительные черты этого уклада — коллективное распоряжение трудящихся средствами производства, влиятельные структуры самоуправления и участие тружеников в принятии производственных решений. Анархисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства...

Несмотря на все трудности, анархистам удалось создать относительно эффективно работающую ... социальную систему (насколько это возможно в условиях гражданской войны)».

Анархистский социальный эксперимент был насильственно прерван. На смену изначальному, хотя и весьма условному, «антифашистскому единству» пришли существенные разногласия и конфликты между двумя главными силами республиканского лагеря — анархистами и Испанской коммунистической партией. Тесно связанная со сталинским режимом, компартия взяла курс на централизацию и милитаризацию общества, по существу отказавшись от социальных преобразований.

Анархистская народная милиция казалась коммунистам вредной «партизанщиной», а производственное самоуправление на социализированных предприятиях и создание сельскохозяйственных коллективов — опасной альтернативой предлагавшейся коммунистами национализации и огосударствлению экономики.

Коммунисты рассматривали анархистов как своих главных политических конкурентов; анархисты, со своей стороны, учитывая опыт российской революции, не доверяли временным союзникам по антифранкистской борьбе. Опираясь на военную помощь СССР, ИКП взяла курс на установление контроля над аппаратом власти, армией и силовыми ведомствами (куда активно внедрялись приехавшие из Советского Союза военные специалисты и сотрудники НКВД). Началась чистка интербригад, откуда убирали нелояльных Сталину людей.

При этом парадоксальным образом коммунисты сотрудничали с правыми социалистами и либералами, тогда как анархисты сблизилась с левым крылом социалистов во главе с Ларго Кабальеро (который выступал за создание синдикалистского правительства, опирающегося на поддержку социалистических и анархистских профсоюзов).

Развернувшаяся при активном участии анархистов социальная революция противоречила взятому коммунистами курсу на диктатуру, на усиление государства при умеренности в социальной политике. Столкновение конкурировавших внутри республиканского лагеря сил было неизбежно.

Установив контроль над армией и силовыми структурами, коммунисты начали охоту за деятелями оппозиции, в первую очередь за анархистами.

В мае 1937 г. коммунисты спровоцировали бои в Барселоне, приведшие к разоружению отрядов анархистов и к началу террора против НКТ и ФАИ, а в августе 1937 г. снятая с фронта танковая бригада коммунистического генерала Листера обрушилась на арагонские кооперативы.

Аресты, казни, принудительный роспуск кооперативов, начатые коммунистами, довершили франкисты, вступившие в Арагон в марте 1938 г. Под нажимом компартии коллективизированные предприятия Каталонии и других регионов были национализированы.

Однако победа коммунистов над анархистами оказалась пирровой. Все эти события предрешили гибель испанской революции. Ослабленная внутренней борьбой, республика не могла противостоять наступлению франкистских войск. Падение республики в 1939 г. и установление диктатуры генерала Франко привели к новым массовым репрессиям против анархистов. Партизанская борьба продолжалась еще целое десятилетие, но движению был нанесен смертельный удар.

1968 год и современное анархическое движение

Два десятилетия, последовавшие за окончанием второй мировой войны, знаменовали глубокий упадок анархического движения во всем мире. Репрессии тоталитарных режимов, с одной стороны, повышение уровня жизни трудящихся в развитых странах мира в середине XX в., когда индустриально-буржуазная цивилизация достигла своего апогея и могла позволить себе содержание социальных государств — с другой, ослабили анархистов.

На смену массовым анархистским профсоюзам, многотысячным организациям пришли небольшие разрозненные группы ветеранов анархизма, пытавшихся осмыслить катастрофический опыт революционных бурь первой половины XX в. и выйти из политического гетто.

Тем временем репрессии продолжались даже в самых демократических странах. Так, в США в эпоху маккартизма анархисты преследовались уголовно. Была запрещена и традиционная анархическая символика; тогда американские анархисты придумали ряд новых символов,

используя, например, наряду с традиционными черными флагами и с буквой А в круге, изображение взъерошенной дикой кошки.

Новый взлет анархического движения связан с тем процессом, который, на мой взгляд, следует назвать мировой революцией второй половины 1960-х гг.

Тогда на улицы Нью-Йорка и Парижа, Рима и Берлина вышла бунтующая студенческая и рабочая молодежь, потребовавшая свободы и гуманизации общества, реформы университетов, прекращения войны во Вьетнаме, равноправия чернокожих, реального, а не формального освобождения женщин, производственного самоуправления и ликвидации ядерного оружия... В этом пестром и неоднородном движении *новых левых* (отвергших авторитет обюрократившихся «старых» левых — коммунистов и социал-демократов) анархисты заняли видное место — наряду с другими идейными течениями.

Черные знамена реяли над захваченными итальянскими заводами и над баррикадами парижского *Красного мая* 1968 г. Наиболее известный студенческий лидер Даниэль Конбендит был именно анархистом.

Лозунги Красного мая: «Социализм без свободы — это барак», «Не роботы, не рабы», «Анархия — это мы» (по контрасту с известной фразой, приписываемой Людовику XIV: «Государство — это я») — говорят сами за себя. Стотысячная молодежная демонстрация в Париже несла перед собой издевательский лозунг, пародирующий штампы официальных mass-media: «Мы — маленькая кучка анархистов».

В поисках альтернативы как бюрократически-тоталитарному «реальному социализму» и ленинистским компартиям (французских коммунистов Ж.П.Сартр метко назвал «революционной партией, которая боится революции»), так и бездушному индустриально-буржуазному обществу, всецело подчиненному логике погони за прибылью, значительная часть новых левых обратилась к полузабытым, но неожиданно оказавшимся актуальными сочинениям Бакунина, Кропоткина и других теоретиков анархизма.

1968 год, породивший новые социальные движения: феминистские, зеленые, антимилитаристские, коммунитаристские и т.д. — дал новый импульс анархическому движению.

На смену «старым» анархистам, по преимуществу нацеленным на профсоюзную борьбу, пришло полуанархическое движение *автономистов*, которое и по сей день насчитывает (особенно в Германии) тысячи активистов. Это весьма политизированная молодежная субкультура со сложной и развитой инфраструктурой: коммуны, *сквотты* (захваченные здания), альтернативные кафе и книжные магазины, антифашистские и феминистские группы. В последние годы на первомайские демонстрации в Берлине немецкие автономисты выводят ежегодно по 10—20 тыс. человек.

Они пытаются создать некую альтернативу буржуазному обществу, решая все вопросы коллективно и консенсусом, противопоставляя патриархату реальное равенство полов, традиционным семейным формам общежития — коммуны, иерархии — самоуправление, пропагандируя и активно практикуя экологизм, антимилитаризм и антифашизм.

Автономисты выступают в защиту национальных и сексуальных меньшинств, протестуют против войн. В последние годы огромный размах и известность получили организованные немецкими «автономистами» кампании протеста против атомной энергетики в Германии, в частности против попыток захоронения ядерных отходов в Горлебене.

В целом ряде стран сохраняются и традиционные анархо-синдикалистские профсоюзы, из которых наиболее крупными являются САК в Швеции, СНТ и СЖТ в Испании (в них состоят тысячи человек, а шведский САК вообще является вторым по величине после официального социал-демократического профсоюза Швеции).

Во всем мире существуют многочисленные анархические издания, исследовательские центры, библиотеки (среди них — английское издательство «Фридом», основанное еще Кропоткиным, американский журнал «Анархия», немецкая газета «Шварцен Фаден», швейцарская анархическая библиотека СЕРА).

В числе наиболее известных современных теоретиков анархизма стоит назвать американских мыслителей Ноама Чомски и Мюррея Букчина (последний разрабатывает интересную концепцию *экоанархизма*), а также близкого к анархизму выдающегося французского философа Андре Горца. Всему миру известны фантастические романы американской писательницы Урсулы Ле Гуин, один из которых — «Обездоленные» (недавно изданный и на русском языке) — является замечательным примером современной анархистской литературной утопии.

Как видим, и сегодня анархизм отнюдь нельзя назвать музейным экспонатом. Его теорию и практику было бы несколько преждевременно сдавать в архив истории...

Версия #3

Зверобой создал 10 апреля 2025 22:38:21

Зверобой обновил 10 апреля 2025 22:46:24